

Вступление Китая в новую фазу развития на фоне “торговой войны” с США: взгляд из России

A New Phase of China's Development Against the Background of “Trade War” with the US: View from Russia

Sergey Lukonin* · Sergei Ignatev**

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences · Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

Abstract

By the middle of 2018 there are signs of China's entry into a new period of development, characterized by a change in the old model: “market reforms-inner-party democratization - moderate foreign policy” to another: “market reforms - Xi Jinping personality cult - offensive foreign policy.” This model contains the risks of arising of the contradiction between economic freedom and political-ideological rigidity which can lead to destabilization of the political life. However, in the current positive economic dynamics, these risks may come out, rather, in the medium and long term. Today, the political situation in China remains stable - despite growing dissatisfaction in scientific expert and educational circles due to increased control over the intellectual sphere by the authorities. The need for a new redistribution of power between central and provincial authorities could potentially disrupt political stability in the medium term, but, at the moment, is not a critical negative factor. The economic situation is positive-stable. Forecasts indicate a possible increase in China's GDP in 2018 at 6.5%. At the same time, there are negative expectations in connection with the Sino-US and potentially Sino-European “trade war”. In the Chinese

* Section of Economy and Politics of China, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: sergeylukonin@mail.ru

** Section of Economy and Politics of China, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: gnatyev.serge@gmail.com

foreign policy, as a response to Western pressure, China increasingly uses the Russian direction of its diplomacy in the expanded version of Russia + SCO. The nuance here is seen in China's adjusted approach to the SCO: first of all, not as a mechanism for cooperation with Russia, but as an organization that allows using Russia's potential for pressure on the US in the Sino-US strategic rivalry. In the second half of 2018, the Chinese economy will continue to develop steadily, albeit with unresolved traditional problems (debts of provinces and state-owned enterprises, ineffective state sector, risks on the financial and real estate market). In politics, discontent with the cult of Xi will accumulate, but without real threats to its power. Weakening in economic opposition between China and the United States is possible due to Beijing's search for compromises on tariffs, intellectual property, trade deficit. To find such trade-offs, Xi will use the so-called. "Personal diplomacy" of direct contacts with Trump.

Keywords

world economy, outlook, China, United States, 19th CPC Congress

Введение

К середине 2018 г. появляются признаки вступления Китая в новый период развития, характеризующийся сменой прежней модели: “рыночные реформы – внутрипартийная демократизация – умеренная внешняя политика” на другую: “рыночные реформы – монополизация власти – наступательная внешняя политика”. На наш взгляд, данная модель содержит риски обострения дестабилизирующего политическую жизнь противоречия между экономической свободой и политико – идеологической жесткостью. Однако в условиях нынешней позитивной экономической динамики эти риски могут проявиться, скорее, в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Настоящая статья фокусируется на трех ключевых аспектах: новые детали внутривнутриполитической ситуации, “торговая война” с США, влияние этих процессов на внешнюю политику Китая и отношения с Россией.

I . Внутривнутриполитическая ситуация

После состоявшегося в конце 2017 г. 19-го съезда КПК и мартовской (2018 г.) сессии ВСНП КНР, качественно укрепивших личную власть Си Цзиньпина, Китай, как представляется, вступает в новый этап развития.

Его отличительная черта – иное соотношение экономики и политик

и. Если раньше, на протяжении 10-15 лет, в Китае в дискуссионном ключе обсуждали тему сочетания экономических и политических реформ, хотя вопросы демократизации и рассматривались в плане внутрипартийной демократии, но не демократии для всего общества, то сейчас ситуация принципиально изменилась. Внутрипартийная пропаганда, нацеленная на изучение идей Си о “социализме с китайской спецификой в новую эпоху” и возвеличивание китайского лидера, резко активизировалась и, видимо, приобрела старый, времен Мао, характер простого заучивания цитат.

Одновременно отмечается ужесточение цензуры, поиск инакомыслящих, прежде всего в студенческой среде, практически полное прекращение дискуссий по теме политических реформ. Власти, скорее всего, с повышенной настороженностью воспринимают приближающуюся дату 4 июня 2019 г. (*30-летняя годовщина студенческих выступлений 1989 г.*), возможно, ожидая массовых акций протеста и заранее готовясь к ним [1].

На этом фоне просматривается вероятное формирование нового стратегического противоречия между расширением экономической свободы, заявленным Си и, пусть и медленно, но все же осуществляемым, и с другой стороны – зажимом политических и идеологических, опять же пусть и ограниченных, но все же свобод прежнего периода времени. В то же время, пока сохраняется хорошая экономическая и социальная динамика, монополии на власть и авторитету Си ничего не угрожает. Проблемы могут возникнуть не в краткосрочной, а в средне- и долгосрочной перспективе.

1. Усиление контроля над провинциями

В соответствии с общей тенденцией, в Китае постепенно проводится политика централизации управления экономическими и социальными процессами на региональном уровне. Сейчас региональные власти в Китае относительно независимы от центрального правительства, что на этапе бурного экономического роста позволяло реализовывать отдельные эксперименты в области экономики и лучше учитывать местные особенности при осуществлении экономической и социальной политики Центра. В целом, на сегодняшний день, внешне унитарный Китай на практике достаточно децентрализован. Особая роль китайских регионов подтверждается их вкладом в общий бюджет страны. Например, в 2016 г. доля провинций в общем доходе государства составила 53,4%, доля расходов – 63,2%. Для сравнения, соответствующие средние показатели стран ОЭСР составили 19,1% и 32% соответственно [2].

В период быстрого экономического роста такая система имела свои преимущества. Децентрализация позволила эффективно использовать такие факторы как инициатива снизу, конкуренция между провинциями, а также инновационные эксперименты. Сейчас существует три основных блока функций, которые провинциальные власти имеют право осуществлять более или менее самостоятельно: 1) административные функции (*сами определяют как реализовывать решения Центра*); 2) фискальная политика (*сами определяют объем и распределение денежных средств внутри провинции*); 3) политические функции (*могут сами принимать тактические решения в рамках политики Центра*).

Но сегодня ситуация меняется. Китай под руководством Си готовится к очередному “рывку” в развитии и сосредотачивает силы. Уси

ление контроля над провинциями – один из элементов этой политики. Предполагается, что вслед за реформой органов исполнительной власти, которая началась в марте 2018 г., последуют и изменения в управлении регионами, что не менее сложно и опасно для Си, чем антикоррупционная кампания, из-за наличия значимых региональных групп влияния. В этой связи, одна из важнейших проблем – это перераспределение функций между Центром и Периферией в средне- и долгосрочной перспективе.

Перераспределение властных полномочий будет происходить в пользу Центра, однако, пока не совсем ясно в какой именно пропорции. Вероятно, одним из инструментов, который “поможет” региональным властям более эффективно реализовывать политику центральных властей, станет учрежденное в рамках начатой реформы органов исполнительной власти Национальное ревизионное управление КНР, которому переданы функции упраздненной Центральной комиссии ЦК КПК по проверке дисциплины. Новое Управление получило более высокий административный статус с правом инициирования и проведения антикоррупционных расследований в отношении всех чиновников, а не только сотрудников аппарата и членов КПК. Это расширяет возможности административно – уголовного контроля над провинциальными ветвями власти и местными чиновниками.

2. Усиление партийного контроля над компаниями

Для усиления контроля над компаниями начал активнее использоваться механизм партийных ячеек на предприятиях. В конце 2017 г. в принятом общем пакете поправок в Устав КПК была пересмотрена статья 33, которая теперь предписывает партийным ячейкам в госуда

рственных компаниях занимать лидирующую позицию при обсуждении важнейших вопросов работы предприятия. Кроме того, глава государственной компании должен занимать пост секретаря партийной ячейки, а высшие должностные лица должны входить в её состав. В частных компаниях, партийные ячейки должны обеспечивать соблюдение компанией требований китайского законодательства (*наряду с профсоюзами, но имея, поновым требованиям, более весомый голос*) [3].

II. “Торговые войны” США: китайский фронт

“Торговая война”, на которую Трамп пошел практически сразу после 19-го съезда КПК в конце 2017 г. и которую активизировал после мартовской сессии ВСНП, нанесла сильнейший удар не только лично по имиджу Си Цзиньпина, но и по планам проведения новой наступательной внешней политики, в основе которой лежит китайская инициатива “Один пояс, один путь”. Трамп своими резкими действиями показал Пекину, что “главный лидер” в мире – США – нигде не исчез.

Однако Си понимает важность отношений с США и для китайской экономики, и для глобальной стратегии Пекина, нацеленной на превращение Китая в одного из мировых лидеров, и не готов идти на полный разрыв с Вашингтоном. Отсюда двойственная реакция Си на американскую торговую атаку: с одной стороны, контрмеры, показывающие, что Пекину есть что противопоставить давлению Вашингтона, а с другой – поиск компромиссов. К главным шагам Пекина в этой связи можно отнести следующее.

Пекин отвечает повышением тарифов на часть американской продукции в ответ на введение США 25%-й пошлины на китайские товары, объем импорта которых в 2017 г. составил 34 млрд долларов [4]. Но одновременно снижает пошлины на некоторые потребительские товары для других стран, обещает не уменьшать, а увеличивать импорт продукции, в том числе сельскохозяйственной.

С 1 июля 2018 г. в Китае значительно уменьшены таможенные пошлины на импорт потребительских товаров. Средняя ставка импортной пошлины снизилась с 15,7% до 6,9% на 1 449 наименований, в т.ч. на бытовую технику, продукты питания и напитки, косметику и медицинские препараты. Пошлины на импорт автомобилей и запчастей были снижены с 20-25% до 15% и с 8-25% до 6% соответственно [5].

Параллельно Китай расширяет экономическое сотрудничество с ЕС, что выгодно и Европе в плане противостояния "тарифному давлению" США. Однако ЕС не соглашается на коллективные с Пекином действия против американского протекционизма.

1. Возможные потери Китая

В целом эксперты оценивают сложившуюся ситуацию для Китая, скорее негативно, чем нейтрально. По их мнению, Китай может потерять в 2018 г. примерно 0,1-0,5 п.п. темпов прироста ВВП вследствие торговых войн с США при условии "позитивного" сценария (*ограниченное введение или повышение существующих пошлин на импорт в США китайских товаров*). При негативном развитии событий (*введение импортных пошлин на большую часть китайского импорта*) потери могут привести к существенному (0,5-1,0 п.п.) торможению эконо

мического развития Китая [6]. При этом европейские и часть американских экспертов сомневаются, что какие-либо страны окажутся в выигрыше – “торговая” война между Китаем и США может спровоцировать общий мировой экономический кризис [7].

Улучшения ситуации пока не наблюдается, “воинственная” риторика с обеих сторон продолжается. Когда, как отмечалось выше, в ответ на введение США 25%-х пошлин на импорт китайских товаров, Китай пригрозил повышением соответствующих импортных тарифов на американские товары, США, в свою очередь, пригрозили введением дополнительных импортных пошлин в размере 10% на новые наименования китайских товаров, общий объем импорта которых оценивается уже в 200 млрд долларов [8].

Китайская академия общественных наук (КАОН) более серьезно, чем американские эксперты, оценивает риски торговой войны с США. По их расчетам, из-за введения 25%-х импортных пошлин на китайские товары, темпы прироста китайского ВВП в 2018 г. потеряют примерно 0,5 п.п., а рынок труда – 2,5 млн рабочих мест. В случае негативного сценария (*введение США 45%-х импортных пошлин*) потери могут составить уже 1,0–1,2 п.п. и 7,6 млн рабочих мест. В любом случае, как отмечают эксперты КАОН, потери Китая будут гораздо более серьезными, чем потери США [9].

Интересно, что США и не скрывают, что одной из главных целей “торговой войны” является попытка затормозить развитие КНР, прежде всего, инновационное. По словам Питера Наварро, главы Национального торгового совета США, нельзя допустить реализации китайских инновационных планов – когда, по заявкам Пекина, большая часть промышленного производства в Китае к 2025 г. должна быть сформирована

рована за счет высокотехнологичных производств (в соответствии с государственной программой «Сделано в Китае 2025», 70% промышленного производства к 2025 г. должны давать стратегические высокотехнологичные отрасли: аэрокосмическая отрасль, строительство высокоскоростных ж/д и подвижного состава, кораблестроение, биотехнологии, робототехника, производство автомобилей на новых источниках энергии и т.д.) [10].

2. Информационный фронт

В рамках “торговой войны” с Китаем в США и Европе усиливается негативное информационное давление в отношении главной составляющей китайской новой наступательной внешней политики – инициативы “Один пояс, один путь”. Американский мозговой центр C4ADS опубликовал доклад, в котором говорится, что китайская инициатива направлена, прежде всего, на усиление политического и военного влияния КНР в регионах её реализации [11].

Аналитики C4ADS рассмотрели более 15 проектов строительства и модернизации морских портов с использованием китайского капитала в Бангладеш, на Шри-Ланке, в Камбодже, Австралии, Омане, Малайзии, Индонезии и Джибути. Основным выводом исследования, что утверждения Пекина о том, что все проекты основаны на принципе взаимной выгоды, не соответствуют действительности. Ранее схожий по содержанию доклад, в котором говорилось об опасности усиления экономического и политического влияния Китая, особенно в странах Восточной Европы, был опубликован немецким Институтом китайских исследований Меркатора [12].

И в американском, и в немецком докладах мало конкретики. Приведены уже известные факты, касающиеся предоставления китайским и финансовыми институтами кредитов для реализации того или иного проекта в рамках стратегии “Одного пояса, одного пути”. Далее описываются риски увеличения госдолга стран – реципиентов, в которых осуществляются проекты за счет получения китайских кредитов, и дается прогноз усиления политической и экономической зависимости этих стран от Китая.

Основные положения концепции “Одного пояса, одного пути” (*которые не являются секретными и опубликованы в официальных китайских документах*) американские, европейские, а вместе с ними и индийские, эксперты интерпретируют как подтверждение своих выводов о приоритетном усилении китайской военной мощи в Азиатско – Тихоокеанском регионе (АТР) на основе логистических проектов. Они также ссылаются на выводы китайских же специалистов о том, что инвестиции в порты и соответствующую промышленную инфраструктуру могут быть использованы для усиления политического влияния и создания “стратегических поддерживающих государств”, с помощью которых Китай может развивать транспортные узлы, обеспечивающие расширение китайского военного присутствия.

На основе т.н. “шести выделенных характеристик” (*стратегическое географическое расположение, модель развития проекта двойного назначения, общий контроль за реализацией проекта со стороны КПК, финансовый контроль, непрозрачность, не равная выгода*) американские эксперты из C4ADS приходят к выводу, что основная цель китайской инициативы – это усиление экономического, политического и военного присутствия Китая в регионе, а не экономическое со-развитие.

В “информационной войне” принимают участие и европейские официальные лица. В апреле 2018 г. 27 из 28 послов стран ЕС в Китае (*кроме посла Венгрии*) составили официальное письмо, в котором подвергли критике китайскую инициативу [13]. В письме содержатся, например, такие формулировки как: “Китай хочет придать такую форму глобализации, которая отвечала бы только интересам самого Китая”; “Инициатива преследует внутривластные и внутриэкономические цели исключительно Китая, например, сокращение избыточных мощностей, создание новых экспортных рынков, обеспечение безопасного доступа к сырью” и др.

В письме также содержится предупреждение об опасности сотрудничества с Китаем, если не будут соблюдаться принципы прозрачности сделок, экологические и социальные стандарты ЕС. Кроме того, отмечается, что Китай идет по пути разделения ЕС путем сотрудничества с отдельными государствами, например, Венгрией и Чехией, которым предоставлены купные китайские кредиты и инвестиции.

Сейчас Европейская комиссия работает над документом, в котором будет отражена единая позиция стран ЕС в отношении “Одного пояса, одного пути”. Кроме того, стала активно обсуждаться проблема ограничений в торговле между ЕС и Китаем и требования КНР активнее передавать китайским компаниям европейские технологии. Подчеркивается, что вместо обсуждения снижения торговых барьеров Китай уже форсирует заключение инвестиционного соглашения ЕС – Китай к собственной, как считают в ЕС, выгоде. Кроме того, отмечается, что Китай против интересов ЕС использует “серые зоны” регулирования прав интеллектуальной собственности в рамках ВТО и хотя и с пониманием относится к претензиям европейских чиновников, но

ничего не делает для исправления ситуации.

В начале 2018 г. в Германии, помимо доклада Института Меркатора, был опубликован доклад государственного немецкого агентства GermanyTrade&Investment совместно с Немецкой ассоциацией торгово-промышленных палат, в котором также отмечается, что фокус китайской инициативы сосредоточен на политически нестабильных государствах, которые не обладают жестким правовым полем, а более 80% финансирования, предоставленного китайскими финансовыми институтами, уходит самим китайским компаниям [14].

В целом, основные обвинения разных исследований сводятся к тому, что китайская модель роста основана на экспорте китайского оборудования, материалов, менеджмента и рабочей силы. При реализации проекта на китайские деньги доля участия принимающей страны минимальна – мало созданных рабочих мест и связей с местными поставщиками. Есть также претензии и в отношении устаревших деловых практик, исключения из числа поставщиков местных производителей, неисполнения обязательств китайскими подрядчиками, несоответствия китайских проектов национальному регулированию, поставок низкокачественного оборудования. Кроме того, в укор Пекину ставится практика, когда китайские компании работают не с представителями местных сообществ, а с крупными политическими лидерами, и, следовательно, не учитывают реальных интересов местного населения.

Следует заметить, что китайские властно многих случаях конструктивно, по крайней мере на словах, дабы избежать политических обострений, реагируют на критику и стараются изменить модели поведения своих компаний. Например, Китайская торговая палата по экспорту и импорту металлов, минералов и химикатов в ответ на вне

шие претензии еще в 2015 г. опубликовала “Рекомендации по социальной ответственности КНР при осуществлении иностранных инвестиций в добывающий сектор”, где предписывается строго придерживаться местных норм в области техники безопасности, национального трудового законодательства, а также принципов ООН по ведению бизнеса и “соблюдению прав человека” [15].

Ш. Ответ Китая

Для китайских властей очевидно, что против них открыт, помимо торгового, еще и “информационный фронт”. В качестве ответа Китай в 2018 г, в соответствии с “Планом по углублению реформы партийных и государственных органов”, усиливает Отдел пропаганды Центрального комитета КПК, а также создает хорошо финансируемую медиагруппу “Голос Китая”. Сегодня для КПК внешняя информационная политика приобретает такую же значимость, как и внутренняя.

Отделу пропаганды передаются функции цензуры в области кино (*производство, распространение, импорт и экспорт кинокартин*), а также функции по формированию внешнего облика Китая в мире. Под контролем Отдела объединяются в медиагруппу “Голос Китая” следующие СМИ: Центральное телевидение КНР, Глобальная телесеть КНР, Национальное и международное радио КНР. Общая численность сотрудников медиагруппы составит почти 14 тыс. человек [16]. Важнейшей задачей становится активизация работы в области т.н. новых СМИ (*блоги, социальные сети, мессенджеры и т.д.*) с главным фокусом

на молодую аудиторию, причем за пределами Китая. При этом необходимость активизации информационной политики рассматривается в контексте китайской военной стратегии, предполагающей необходимость контролировать и формировать общественное мнение “и в состоянии мира, и в состоянии войны”. Основными адресатами китайской информационной политики являются население КНР, население и лица, принимающие решения потенциального соперника, нейтральные или третьи страны и организации.

Национальная китайская система контроля за интернетом становится важной составляющей информационной политики – блокируются признаваемые “вредными” информационные потоки извне, при этом у Китая остается возможность свободно действовать в иностранных сегментах интернета. Модель подачи информации копируется в т.ч. и с западных аналогов – приветствуется агрессивный стиль ведения программы или репортажа.

IV. Проблема с другого угла: как финансировать инициативу “Один пояс, один путь”

“Торговые войны” с США, которые грозят обернуться экономическими потерями для Пекина, уменьшают возможности финансирования “Одного пояса, одного пути”, обостряя и без того “горячую” проблему в китайском экономическом дискурсе.

В первой половине 2018 г. в Китае в очередной раз активизируется дискуссия о финансировании проектов в рамках “Одного пояса, од

ного пути". Например, в апреле 2018 г., выступая на конференции в г. Гуанчжоу, бывший председатель Экспортно – импортного банка Китая Ли Жогу отметил, что большинство стран, которые участвуют в китайской инициативе, не в состоянии финансировать реализацию проектов. Для решения проблемы необходимо привлекать в т.ч. и частные инвестиции. Однако эти страны, как полагает китайский эксперт, “не могут этого сделать, т.к. в среднем объем задолженности у них находится между 35% и 126% ВВП при рекомендуемом показателе 20-100%” [17].

В июне 2018 г. Ван Имин, заместитель директора Центра исследований развития при Госсовете КНР, отмечал, что, несмотря на наличие крупных финансовых организаций, которые осуществляют финансирование проектов в рамках китайской инициативы (*Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС, Китайский банк развития, Китайский экспортно – импортный банк, Фонд Шелкового пути*), дефицит финансирования составляет примерно 500 млрд долл. в год [18].

Кроме того, самому Китаю по-прежнему нужны инвестиции для реализации национальных региональных программ развития. Например, на проекты в рамках плана “Цзин – Цзинь – Цзы” (*создание супергломмерации, состоящей из городов Пекин, Тяньзинь и провинции Хэбэй*), дальнейшего развития зоны дельты реки Жемчужная (*суперагломерация, состоящая из городов Гонконг, Макао, Шэньчжэнь, Гуанчжоу и др.*), или для дальнейшего развития зоны дельты реки Янцзы и др. может потребоваться около 1 трлн долларов [19].

Новый глава НБК Чжоу Сяочуань подтверждает, что для решения проблемы дефицита финансирования стратегии “Один пояс, один путь”

китайские власти начали переговоры с международными организациями, крупными кредиторами и финансовыми центрами (*Гонконг и Лондон*) в целях диверсификации и привлечения новых источников инвестирования проектов в рамках “Одного пояса, одного пути”.

Основные проблемы проектов остаются прежними: ограниченное участие частных инвесторов и каналов финансирования, низкая доходность, трудности привлечения частного капитала, связанные со сложностью финансовых режимов стран – участниц проектов. Одно из предложений китайских экспертов – создание международной системы привлечения частных инвестиций, независимой системы оценки кредитных рисков каждого проекта, а также формирование национальной системы преференций для инвесторов проектов в каждой стране.

V. Непростой американо – китайский покер

В США фактор Китая активно используется во внутривнутриполитической борьбе. Давлением на Китай Трамп хочет показать, что именно он защищает интересы американского бизнеса и американской интеллектуальной собственности. А с другой стороны – хорошими личными отношениями с Си Цзиньпином Трамп демонстрирует своим внутривнутриполитическим критикам, что именно он “умеет работать” с лидером второй экономики мира. Через такого рода “призму кнута и пряника” можно рассматривать различные перипетии волнообразных американо – китайских отношений. Одним из наиболее известных примеров здесь можно считать недавнее развитие событий вокруг китайской ком

пании ZTE, столкнувшейся в начале второго квартала 2018 г. с протекционизмом Трампа.

В апреле 2018 г. Министерство торговли США ввело семилетний запрет на сотрудничество с ZTE. После чего китайская компания объявила о приостановке своей работы. Необходимо отметить, что в ZTE работают около 75 тыс. чел. в более чем 140 странах, компания является четвертым крупнейшим поставщиком мобильных телефонов в США и третьим в мире поставщиком телекоммуникационных услуг. Кроме того, ZTE отводится одна из основных ролей в реализации китайской инициативы "Один пояс, один путь", а также в развитии мобильной связи поколения 5G.

Однако уже в мае 2018 г. Трамп заявляет, что он и Председатель КНР Си работают над тем, чтобы китайская компания ZTE начала снова работать на американском рынке.

История китайско-американских отношений вокруг компании ZTE довольно показательна для отношений двух крупнейших мировых экономических конкурентов – предупреждения со стороны США о том, что им не нравится в работе китайского конкурента, игнорирование претензий китайцами, американские санкции, вынесение вопроса на высший политический уровень, решение проблемы.

Американские власти предупреждали ZTE о нарушениях в ее работе и возможных "последствиях" еще в 2016 г. Тогда первые лица компании, конечно, опасались американских санкций, поскольку поставляли мобильные телефоны и технологии в подсанкционные Иран, Судан, Северную Корею, Сирию и на Кубу, но решили сделать ставку не на уступки, а на казавшееся более выгодным изучение мирового

опыта по обходу американских санкций [20].

В 2018 г. американские власти наложили на компанию штраф в размере 1,19 млрд долларов. При этом, по сведениям американских чиновников, менеджеры ZTE не были наказаны китайскими боссами за нарушение санкционного режима, а вместо этого получили крупные премии[21]. Реакцией американских властей стало введение запрета на поставку интеллектуальной собственности американских компаний китайской ZTE.

На таком “историческом фоне” упомянутая выше майская попытка Трампа урегулировать вопрос с ZTE через личные контакты с Си Цзиньпином вызвала критику со стороны американских оппонентов Трампа. Основной аргумент критиков сводится к следующему: как можно выходить из “ядерной сделки” с Ираном, но при этом взаимодействовать с компанией, которая торговала с Ираном и за это была подвергнута санкциям? Схожий вопрос задают и европейские эксперты: как сочетаются вероятные санкции в отношении европейских компаний за сотрудничество с Ираном и попытка Трампа урегулировать вопрос с китайской ZTE? Но “личностная дипломатия” Трампа, ориентированная, в первую очередь, на внутреннюю американскую аудиторию и на собственный внутривластный рейтинг, очевидно, имеет абсолютный приоритет для американского президента.

Американо – китайские торгово – дипломатические маневры международные эксперты оценивают по-разному.

Во-первых, попытка Трампа положительно решить вопрос с ZTE рассматривается как своего рода “подарок” Си в контексте ожидаемого Вашингтоном позитивного влияния Китая на Северную Корею, тог

да, в мае, накануне, а сейчас – после, встречи Трампа и северокорейского лидера Ким Чен Ына. Трампу, заявившему об успехе саммита с Пхеньяном, сейчас чрезвычайно важно показать американскому избирателю, что он не только может иметь дело с одиозным северокорейским лидером, но и добиваться выполнения Кимом принятых обязательств. И здесь Трамп нуждается в поддержке Си [23].

Во-вторых, штраф и запрет на передачу ZTE компонентов, содержащих американские технологии, рассматриваются как искусственное усиление американской переговорной позиции для максимального снижения китайских пошлин на американскую сельскохозяйственную продукцию (*сельскохозяйственные районы США – значимый электорат Трампа*).

В-третьих, критики Трампа усматривают коррупционный элемент в его отношениях с Китаем. Они ссылаются на то, что в мае с.г. ZTE официально наняла за 225 тыс. долл. компанию Mercury Public Affairs, которой руководит бывший помощник Трампа Брайан Ланза для продвижения своих интересов (*эта же компания защищает интересы попавшей под санкции компании En+ Group*) в США [24].

Критики Трампа ссылаются на непоследовательность его действий в свете обвинений со стороны США в адрес ZTE в даче взяток в странах Африки для обеспечения победы в тендерах на реализацию проектов в телекоммуникационной отрасли (*например, в Либерии американская компания была отстранена от реализации проекта в пользу ZTE уже после того, как выиграла тендер*), а также в шпионаже на территории США (*в материалах 191 окружного суда Далласа содержится формулировка: "Китайское Министерство аэрокосмической промышленности основало компанию ZTE для работы офицеров разведк*

и под недипломатическим прикрытием в качестве ученых, бизнесменов и менеджеров для разведывательных целей”) [25].

Эти скандалы имеют серьезные последствия для самой ZTE и других китайских компаний, причем не только в США. Например, власти Австралии обсуждают возможность не-допуска китайской Huawei для строительства сети 5G. В Великобритании приостановлена сделка по поглощению английской Northern Aerospace компанией Gardner Aerospace (*расположена в английском Дерби, ранее куплена китайским промышленным конгломератом ShaanxiLigeanceMineralResources*).

Что касается примеров негативного влияния ситуации вокруг ZTE на китайские компании, работающие на американском рынке, то наиболее чувствительным для Китая представляется другой пример. В мае 2018 г. американские власти запретили закупки китайских камер для наружного наблюдения под предлогом того, что подобное оборудование может угрожать национальной безопасности США. Под запрет попала продукция китайской Hangzhou Hikvision Digital Technology Co., которая на 41% принадлежит китайскому правительству и является крупнейшим в мире производителем оборудования для видеонаблюдения (*оборудование установлено, например, на американской военной базе Fort Leonard Wood, а также в американском посольстве в г. Кабул*). Аналогичная участь постигла продукцию китайских компаний Dahua Technology и Hytera [26].

И тем не менее, несмотря на всю неоднозначность и сложность двусторонних отношений, американские компании по-прежнему чрезвычайно заинтересованы в китайском рынке. Например, несмотря на все “торговые войны”, Google объявила о планах инвестировать 550 млн долл. в китайскую компанию электронной коммерции JD.com [2

7]. Для Google это возможность вернуться на внутренний китайский рынок, а для Китая – шанс использовать американские ресурсы для выхода на новые мировые рынки. В рамках сотрудничества предполагается совместная разработка проектов розничной торговли в странах Юго-Восточной Азии, США и ЕС. Сотрудничество с Google и китайский JD.com надеется использовать для конкурентной борьбы со своим главным китайским соперником Alibaba.

VI. В чем именно обвиняют Китай?

В официальных документах США – Результаты расследования действий, политики и практики КНР, относящихся к передаче технологий, интеллектуальной собственности, и инновациям в рамках раздела 301 Договора о торговле 1974 г. – содержатся следующие аргументы [28].

Китай заставляет американские компании передавать технологии в обмен на право работать в Китае. Ответ Китая – передача технологий регулируется соглашениями о создании США совместных предприятий с китайскими партнерами. Компании США заинтересованы в работе на китайском рынке и используют инновации в сферах управления производством, в т.ч. и для повышения производительности труда. То есть, по китайской логике, передача технологий – это добровольное решение американских компаний, направленное на увеличение их прибыли.

Китай использует стратегию “выхода во вне” как способ захвата и

овых инновационных американских компаний и их технологий. Программа “Сделано в Китае 2025” в американских документах представлена как “заговор” по захвату инновационного лидерства Китаем в области автономных средств передвижения, высокоскоростных ж/д, новых информационных технологий и станкостроения, новых материалов, биофармацевтике, новых источников энергии, сельского хозяйства и т.д. Обвинение заключается в том, что Китай субсидирует соответствующие национальные отрасли и, следовательно, создает неравные условия конкуренции с американскими компаниями.

Ответ Китая – такие же программы были и в Японии в 1970-80-х гг., и в Германии, и в США в 1960-х гг. США и сейчас субсидируют, например, аэрокосмическую отрасль, атомную энергетику, фармацевтику, геолокацию и т.д. Поддержка осуществляется через механизмы военного бюджета. Китай указывает на то, что в 2018 году военный бюджет США составил почти 700 млрд долл. – больше, чем военные бюджеты Китая, России, Великобритании, Индии, Франции, Японии, Германии и Саудовской Аравии вместе взятые.

В ответ на обвинения в “воровстве” технологий Китай пытается совершенствовать систему регулирования в области защиты авторских прав. Недавно были опубликованы данные о том, что в 2017 г. объем лицензионных сборов и платежей, уплаченных китайскими компаниями за использование иностранной интеллектуальной собственности, составил примерно 30 млрд долл. – увеличение примерно в четыре раза за последние десять лет. А по данным МВФ, Китай занимает четвертое место в мире по объему соответствующих платежей за право обладать иностранными технологиями, пропустив вперед только Ирландию, Голландию и США, при этом значительно опередив Япон

ию, Сингапур, Южную Корею и Индию [29].

VII. Внешняя политика

На фоне ухудшения отношений с США Си идет на демонстративное улучшение отношений с Россией, которые Пекин сегодня рассматривает более широко – в формате Россия плюс страны ШОС. Июньский (2018 г.) Саммит ШОС в Циндао и сопровождавший его государственный визит в Китай российского Президента, помимо традиционной составляющей, должны были показать США, что в мире складывается альтернатива формату “Большой Семерки”. На Саммите Си, хотя скорее пропагандистски, учитывая конфликтность китайско-индийских отношений в целом и по Пакистану в особенности, но тем не менее особо отметил, что ШОС при участии Индии и Пакистана обладает значительно большими, чем прежде, возможностями в решении и региональных проблем безопасности, в частности по Афганистану и противодействию терроризму.

Одновременно Пекин тремя встречами с северокорейским лидером Ким Чен Ыном за короткий период времени (*с конца марта до середины июня 2018 г.*) и предоставлением президентского самолета Киму для визита в Сингапур на Саммит с Трампом показывает не только то, что он остается «важным игроком» на Корейском полуострове, но и свою готовность сотрудничать с США по ядерному разоружению Пхеньяна.

Однако контрмеры Пекина, как это видится в середине 2018 г., не

выглядят убедительными для США. Вашингтон дополняет торговое давление на Китай военно – политическим – обостряет критику Китая за милитаризацию, как считают в Вашингтоне, Пекином Южно – китайского моря, отзывая приглашение Китаю участвовать в крупнейших международных военно – морских учениях RIMPAC (*Rim of the Pacific Exercise*) в Тихом океане, продолжает “дразнить” Пекин планами наращивания поставок вооружений на Тайвань.

В ближайшие один-два года, как представляется, будет усиливаться разнонаправленность векторов внутреннего развития и международного поведения Китая. В экономике продолжится положительная динамика при сохранении, но не обострении, традиционных проблем. В политико-идеологической сфере будет постепенно накапливаться недовольство интеллектуальной элиты новым культом личности Си, однако без тактических угроз его монополии на власть.

Можно ожидать некоторого смягчения торговых противоречий Китая и США как результата готовности и поиска Пекином компромиссных развязок по темам тарифов, интеллектуальной собственности, торгового дефицита. Вероятна активизация “личностной дипломатии” Си, посредством которой китайский лидер попытается искать такого рода компромиссные развязки через прямые контакты с Трампом. Однако нагнетание обеими сторонами напряженности по Южно-китайскому морю в совокупности с фактором “потери лица” лично Си Цзиньпином (*начавшаяся в 2018 г. “торговая война” при позитивных ожиданиях от личных встреч Си – Трамп в 2017 г.*) не позволяет китайско-американским отношениям в ближайшей перспективе выйти на уровень первых десяти месяцев 2017 г.

На этом фоне можно прогнозировать демонстрационное стремление

Китая к углублению отношений с Россией, но уже в расширенном варианте "Россия + ШОС". Новым нюансом здесь может стать то, что Пекин будет акцентировать роль ШОС иначе, чем прежде – не столько как организации для сотрудничества с Россией, сколько как организации, основанной на мощи России, которую Китай будет использовать в качестве фактора давления в своем стратегическом противостоянии с США.

VIII. Вывод

По мере того, как развивается "торговая война" между Китаем и США, экономический рост Китая будет снижаться, но его роль и значение для мировой экономики будет оставаться весьма значимым.

Военно-политическое напряжение между Пекином и Вашингтоном также будет иметь место в двусторонних отношениях в таких областях как, прежде всего, ситуация в Южно-Китайском море.

Ожидается, что в ШОС станет всё более важным звеном во внешней политике Китая на фоне напряженных торговых отношений между Китаем и США. Потенциал данной организации будет использоваться Пекином как фактор давления на Вашингтон.

Вывод

По мере того, как развивается “торговая война” между Китаем и США, экономический рост Китая будет снижаться, но его роль и значение для мировой экономики будет оставаться весьма значимым.

Военно-политическое напряжение между Пекином и Вашингтоном также будет иметь место в двусторонних отношениях в таких областях как, прежде всего, ситуация в Южно-Китайском море.

Ожидается, что в ШОС станет всё более важным звеном во внешней политике Китая на фоне напряженных торговых отношений между Китаем и США. Потенциал данной организации будет использоваться Пекином как фактор давления на Вашингтон.

Manuscript received: Aug 13, 2018; Review completed: Aug 28, 2018; Accepted: Aug 20, 2018

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- June 4 vigil turnout beats expectations as Hong Kong organisers call for mass showing at next year's 30th anniversary of Tiananmen Square crackdown. South China Morning Post.
<https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/2149245/june-4-vigil-t-turnout-beats-expectations-hong-kong-organisers>. Accessed 10 July 2018.
- Weightman W. (2018). Xi cracks down on local governments' compliance and creativity. East Asia Summit.
<http://www.eastasiaforum.org/2018/06/14/xi-cracks-down-on-local-government-s-compliance-and-creativity/> Accessed 05 July 2018.
- Laband J. (2018). Fact Sheet: Communist Party Groups in Foreign Companies in China. China Business Review.
<https://www.chinabusinessreview.com/fact-sheet-communist-party-groups-in-foreign-companies-in-china/> Accessed 11. July 2018.
- 国务院关税税则委员会关于对原产于美国500亿美元进口商品加征关税的公告. Ministry of Finance of the People's Republic of China.
http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201806/t20180616_2930325.html. Accessed 20 June 2018.
- Китай снижает таможенные пошлины на импорт потребительских товаров и автомобилей. Международное радио Китая.
<http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20180701/151850.html>. Accessed 10 July 2018.
- Zaharia M. (2018). How trade war with U.S. can hurt growth in China and beyond. Reuters.
<https://www.reuters.com/article/us-usa-trade-china-economics-explainer/how-trade-war-with-u-s-can-hurt-growth-in-china-and-beyond-idUSKBN1JV37K>. Accessed 05 July 2018.
- Zheng S. (2018). Who will be the winners and losers in a China-US trade war? South China Morning Post.
<https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2140310/who-wi>

- ll-be-winners-and-losers-china-us-war. Accessed 10 July 2018.
- Mauldin W. (2018). Donald Trump Threatens New Tariffs on \$200 Billion in China Imports. The Wall Street Journal.
<https://www.wsj.com/articles/donald-trump-readies-new-tariffs-for-china-1529365844>. Accessed 20 June 2018.
- Wang O. (2018). Beyond measure or a dent to GDP growth? How a trade war with US could hit China. South China Morning Post.
<https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2151687/beyond-measure-or-dent-gdp-growth-how-trade-war-us-could-hit>. Accessed 10 July 2018.
- China has ‘much more to lose’, says White House economic adviser Peter Navarro. South China Morning Post.
<https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2151533/china-has-much-more-lose-says-white-house-adviser-peter-navarro>. Accessed 01 July 2018.
- Thorne D., Spevack B. (2017). Harbored Ambitions: How China’s Port Investments are Strategically Reshaping the Indo-Pacific. C4ADS.
<https://static1.squarespace.com/static/566ef8b4d8af107232d5358a/t/5ad5e20ef950b777a94b55c3/1523966489456/Harbored+Ambitions.pdf>. Accessed 01 July 2018.
- Benner T., Weidenfeld J., Ohlberg M., Poggetti L., Shi-Kupfer K. (2018). Authoritarian advance: Responding to China’s growing political influence in Europe. Global Public Policy Institute.
<https://www.merics.org/en/publications/authoritarian-advance>. Accessed 03 May 2018.
- Heide D., Hoppe T., Scheuer S., Stratmann K. (2018). EU ambassadors band together against Silk Road. Handelsblatt Global.
<https://global.handelsblatt.com/politics/eu-ambassadors-beijing-china-silk-road-912258>. Accessed 29 June 2018.
- EU Ambassadors, China Policy Advisors’ Myopia Misses the Point of Belt and Road. Silk Road Briefing.
<https://www.silkroadbriefing.com/news/2018/04/25/eu-ambassadors-china-poli>

- cy-advisors-myopia-misses-point-belt-road/ Accessed 02 May 2018.
- 海外矿业投资：责任与成本. [Guidelines for Social Responsibility in Outbound Mining Investments]
<http://blog.163.com/zhaoliang6666@126/blog/static/128321251201502381556777>. Accessed 10 July 2018.
- Jiang S. (2018). Beijing has a new propaganda weapon: Voice of China. CNN Media.
<https://money.cnn.com/2018/03/21/media/voice-of-china-propaganda-broadcaster/index.html>. Accessed 23 April 2018.
- He H. Is China's belt and road infrastructure development plan about to run out of money? South China Morning Post.
<https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2141739/chinas-belt-and-road-infrastructure-development-plan-about-run>. Accessed 10 July 2018.
- Ibid.
- China's Future Mega Projects. Davenport Laroche.
<http://davenportlaroche.com/news/chinas-future-mega-projects/> Accessed 05 July 2018.
- He H. Is China's belt and road infrastructure development plan about to run out of money? South China Morning Post.
<https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2141739/chinas-belt-and-road-infrastructure-development-plan-about-run>. Accessed 10 July 2018.
- Mozur P. (2018). All About ZTE, the Chinese Sanctions Breaker That Trump Wants to Help. The New York Times.
<https://www.nytimes.com/2018/05/14/business/zte-trump-china.html>. Accessed 16 May 2018.
- Secretary Ross Announces Activation of ZTE Denial Order in Response to Repeated False Statements to the U.S. Government. Department of Commerce.
<https://www.commerce.gov/news/press-releases/2018/04/secretary-ross-announces-activation-zte-denial-order-response-repeated>. Accessed 05 May 2018.
- Duckett Ch. (2018). ZTE deal was a personal favour to Chinese president: White

- House trade adviser. ZD Net.
<https://www.zdnet.com/article/zte-deal-was-a-personal-favour-to-chinese-president-white-house-trade-adviser/> Accessed 10 July 2018.
- Marcay L. Embattled Chinese Telecom Giant ZTE Hired Trump Campaign Veteran. Daily Beast.
<https://www.thedailybeast.com/embattled-chinese-telecom-giant-zte-beefs-up-lobbying-muscle>. Accessed 10 July 2018.
- McKenzie N., Grigg A. (2018). China's ZTE was built to spy and bribe, court documents allege. The Sydney Morning Herald.
<https://amp.smh.com.au/business/companies/china-s-zte-was-built-to-spy-and-bribe-court-documents-allege-20180531-p4ziqd.html>. Accessed 01 June 2018.
- Wasson E., Tiron R. (2018). U.S. House Passes Defense Measure That Backs ZTE Penalties. Bloomberg.
<https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-05-24/zte-penalties-backed-in-defense-measure-passed-by-u-s-house>. Accessed 28 May 2018.
- Google to invest \$550 million in China e-commerce giant JD.com. Reuters.
<https://www.reuters.com/article/us-jd-com-google/google-to-invest-550-million-in-china-e-commerce-giant-jd-com-idUSKBN1JE079>. Accessed 10 July 2018.
- President Trump Announces Strong Actions to Address China's Unfair Trade. Office of the United States Trade Representative.
<https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2018/march/president-trump-announces-strong>. Accessed 10 July 2018.
- Lardy N. R. (2018). China: Forced Technology Transfer and Theft? China Economic Watch.
<https://piie.com/blogs/china-economic-watch/china-forced-technology-transfer-and-theft>. Accessed 22 June 2018.